

Приключения электроника

Когда я пришел в его офис (комнату в дряхлом Доме культуры), он любезничал с уборщицей. Увидел меня, поздоровался и предложил выйти в коридор – чтобы никому не мешать.

Олег Нестеров говорит очень тихо. При чем почти с такими же интонациями, как и поет – в своем «Мегаполисе».

– Олег, я тут посмотрел какой-то фильм конца восьмидесятых, где вы снимались. Что это за кино такое?

– Да, это был фильм «Наш человек в Сан-Ремо». Музыкальный фильм, который отражал ту перестроечную эпоху. Очень странный и очень смешной. По сценарию Сергея Бодрова-старшего. Сергей Минаев там играл Минаева. Владимир Маркин – Маркина. Лисовский играл «папу» шоу-бизнеса. Мы играли самих себя.

– Неужели «Мегаполис» существует так давно?

– Да, мы стали профессионально выступать с 1988 года.

– А что делали до этого?

– Работал на московской международной телефонной станции – обслуживал вычислительную технику. Я пришел туда после Института связи.

– Так вы инженер?

– Да, инженер-электроник. Моя специальность – передача дискретной информации.

– Расставание с работой инженера прошло для вас спокойно?

– Я Рыба по знаку зодиака. Поэтому привык слушать только свое сердце. Я никогда не задаю себе глупых лишних вопросов вроде «Зачем я это делаю?» Это очень

помогает в жизни. И когда я пришел в отдел кадров увольняться, кадровичка записала в моей книжке дату увольнения – 8.08.88. Посмотрела на меня, улыбнулась и пожелала счастливого пути.

– Вы уходили в никуда?

– Я уходил в никуда. Но у меня была группа «Мегаполис». Начинаясь эпоха стадионных концертов, и года до 90-го мы, можно сказать, ни в чем себе не отказывали. Потом уже наступили времена пожесточе.

– Однако известность к «Мегаполису» пришла уже в начале 90-х.

– Даже не в начале, а году в 94-м или 93-м, когда у нас взяли на радио песни «Женское сердце» и про яйца дрозда.

– Лично для меня «Мегаполис» начался с песни на стихи Иосифа Бродского, которую спел Лев Лещенко. Был в этом такой культурный эпатаж...

– «Мегаполис» вообще любит заниматься тем, что вытаскивает какие-то вещи, которые немодны и непопулярны. Мы оглядываемся вокруг, и когда видим, что какой-то объект достиг абсолютного падения, мы его берем. И в следующую секунду начинается рост. Это значит не следовать моде, а эту моду создавать. Так мы взяли «голос советской эпохи» –

Я никогда не задаю себе глупых лишних вопросов вроде «Зачем я это делаю?»

Льва Лещенко, положили его на гитарную музыку и дали ему текст Бродского.

– Но почему Лещенко? Почему не Кобзон?

– Именно Лещенко подходил под эту песню. Своим тембром. У Кобзона он несколько жестковат. Без всякой надежды на успех мы позволили Лещенко. Он назначил встречу. Я показал ему песню, и она ему понравилась. Мы ее записали и потом сня-

ли клип. Лещенко очень нравилась эта работа. Для клипа Льва Валериановича специально стригли, из-за чего очень переживала его жена. Режиссер Дмитрий Фикс ставлял его крутиться на маленькой площадке на трехметровой высоте. В конце концов Лещенко даже снялся в рекламе какого-то автосалона, чтобы пополнить бюджет нашего ролика. При чем рекламировал «Линкольны».

– Я помню, после этого клипа вы говорили, что у вас есть подобные идеи для других артистов.

– Мы хотели сделать целый альбом. Мы нашли тогда Полада Бюль-Бюль Оглы и приготовили песню для него. Эдуард Хиль должен был спеть про яйца дрозда. А песню «Белка и Стрелка» должны были петь Сенчина и Толкунова. В брючных костюмах, на платформах, в шиньонах. Это прекрасно бы смотрелось. Валентину Васильевну Толкунову мы даже записали. Но в последний месяц спонсор этого клипа отказался. К тому же мне сказали, что эти две певицы не очень ладят между собой.

– Я помню, песня про яйца дрозда наделала много шума.

– Это тоже прикольная история. Поэт Александр Бараш, который очень много сделал для «Мегаполиса», подсунил мне книжку поэта Уильяма Джей Смита. В переводах Андрея Вознесенского. Я нашел там стихотворение «Никогда». И песня зашла и стала народным хитом. А когда мы захотели взять ее на наш германский альбом, издатель потребовал соблюсти все права. Мы договорились с Вознесенским встретиться в музее имени Пушкина, где тогда проходила выставка его видеом. Увидев меня, он сказал: «А-а! Яйца дрозда!» Надо сказать, что вообще-то я

это слышал повсюду – в метро, в магазине, но услышать из уст Вознесенского – было особенно смешно. И приятно.

– А как песня про ландыши превратилась в «КарлМарксШтадт»?

– В принципе, это была просто «рыба». Я переводил текст «Ландышей». И дословный перевод припева не звучал. А с языка все время соскакивало: «КарлМарксШтадт, КарлМарксШтадт...» И я подумал: а почему не перенести все действие в этот город? (Правда, это самый ужасный город в Германии.) Я дал почитать этот текст своей учительнице по немецкому, она что-то исправила. А потом дал посмотреть знакомой немецкой журналистке. И она же написала второй куплет, прямо на скамейке, левой рукой. Захихикала, отдала мне бумажку и сказала: «Дома почитаешь».

– А что сказал автор музыки, Оскар Фельцман?

– Мы с немецким издателем приехали к нему домой. Издатель положил перед ним стопку договоров. Оскар Борисович спросил меня: «Ну как, Олег, перевод-то хоть дословный?» – «Да, Оскар Борисович, конечно». А издатель, который ничего не понимал по-русски, в этот момент лирично запел «КарлМарксШтадт, КарлМарксШтадт...» Я тут же подсунил Оскару Борисовичу бумажки, чтобы он быстрее все подписал. Но он не верил всю эту затею. А потом сборник своих хитов Фельцман назвал «От «Ландышей» до «КарлМарксШтадта». И один раз рассказал мне историю. Он был на Канарах, зашел в один кабачок. Его там представили как композитора из России. И музыканты кабачка, обрадовавшись, сыграли Фельцману «КарлМарксШтадт» на чистом немецком языке!

– А откуда эта ваша любовь к немецкому?

– Я учил его в спецшколе.

– Но почему именно немецкий?

– У нас в районе было две спецшколы – английская и немецкая. В немецкой работала наша соседка по дому. Она сказала родителям: «Давайте вашего Олежку к нам». И со второго класса я учил немецкий. Но единственная тройка в школе у меня была именно по немецкому. Зато у нас были контакты с живыми немцами, и в ГДР мы ездили, так что заноза какая-то в сердце осталась.

– Но в те времена, когда вы учили немецкий, он еще прочно ассоциировался с человеком в каске, который кричит «Русиш швайн!»

– Да, во дворе меня дразнили фашистом. Но поэтому мне и захотелось в начале 90-х годов от всех этих комплексов разом избавиться. И мы перевели старые советские шлягеры на немецкий язык, язык порнофильмов и фильмов о войне. Чтобы навсегда эту тему закрыть. Потом из этих наших перепевков песен 60-х родились «Старые песни о главном».

– Но Леонид Парфенов, один из авторов «Песен», говорил, что это была идея Аллы Пугачевой.

– Все равно это уже было после «КарлМарксШтадта». А потом – я знаю, что у Парфенова наш диск долго валялся в машине.

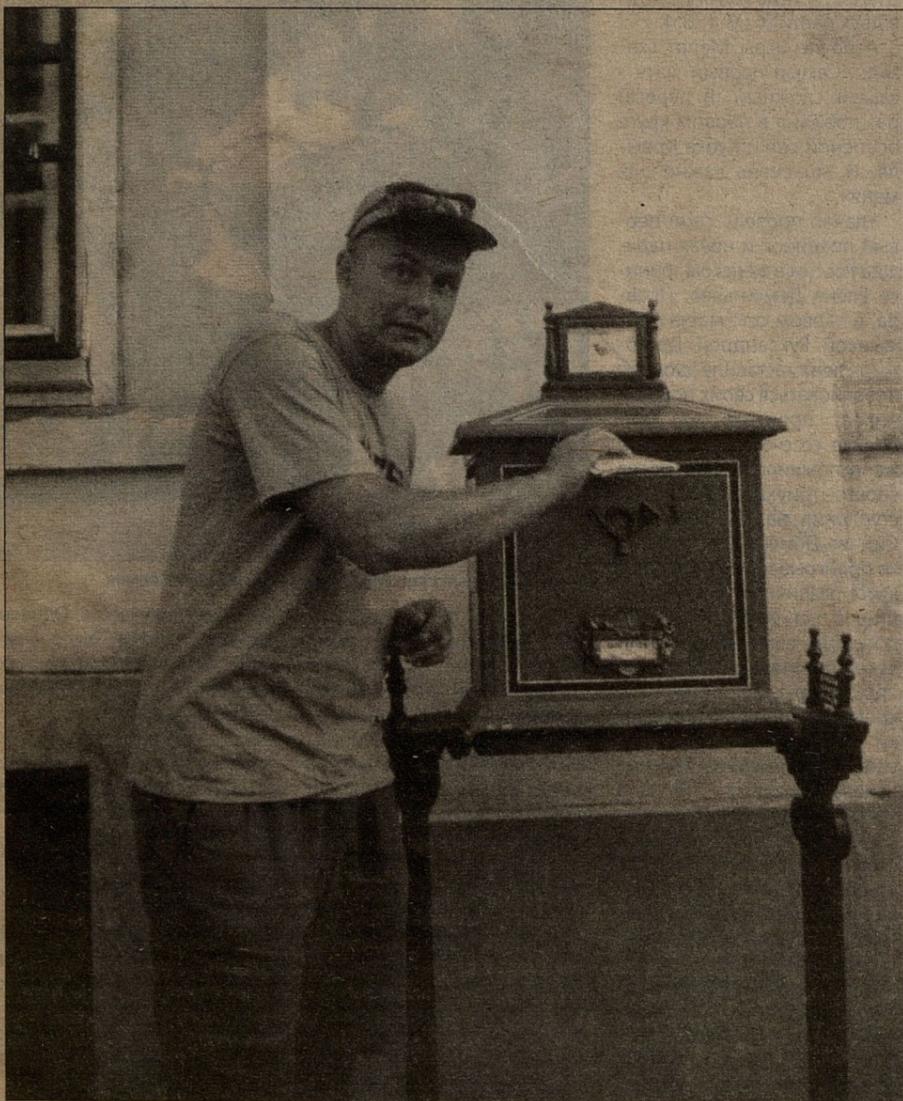
– У вас есть музыкальное образование?

– Я три года учился в джазовой студии «Москворечье» – на гитаре.

– Но туда же не брали кого попало. Надо было что-то уметь.

– Я кое-что и умел. Я уже играл лет десять.

– Но джаз играть не захотели?

Мы оглядываемся вокруг, и когда видим, что какой-то объект достиг абсолютного падения, мы его берем

– Нет. Я просто его очень люблю. И тот способ музицирования, когда у нас рождается новый материал, имеет самое прямое отношение к джазу. Все наши песни рождаются из многочасовых импровизаций. Повторяю – многочасовых. Сели, включили магнитофон. Кассет не хватало.

– Роль вокалиста у вас была в группе изначально?

– Да, изначально.

– Но ведь – что греха таить – у вас нет диапазона в три октавы...

– Да, конечно. Но так как песни сочинял я – я их и пел.

– Что сейчас с «Мегаполисом»? Вас почти совсем не видно не слышно.

– Мы выступаем в клубах. Исполняем акустическую программу. Нас очень хорошо принимают.

– В своих интервью вы говорили, что ваш лучший альбом – это «Гроза в деревне». Хотя его знают куда меньше других.

– Этот альбом был для нас «паническим полднем». Есть такое понятие у греков, когда солнце на несколько часов замирает в зените. Пан играет на флейте. Время останавливает свой ход. Мы записали альбом в 1996 году, когда нам было по 35 лет. Это середина жизни. И нам было необходимо сделать хороший мужской поступок. Записать альбом, где не планировалось ни одного хита. Даже то, что на радио крутят «Звездочку» с этого альбома – немного странно: там нет припева, трехминутные проигрыши. Эта песня была сделана из сорокаминутного фрагмента наших импровизаций... Может быть, года через два мы сделаем сборник, который назовем «Мегаполис после полудня». Там будут именно те песни, которые нам кажутся настоящим «Мегаполисом», но мимо которых многие прошли. После «Грозы в деревне» мы долго не могли прийти в себя. И наконец мы поняли: либо бросаем наши гитары, либо идем по новому пути. Мы выбрали новый путь и сделали две песни: «Где цветы» с Машей Макаровой и «Все не кончится старость» – с диджеями «Кругозорами».

– А новый альбом «Мегаполиса» будет когда-нибудь?

– Очень надеюсь, что скоро.

– Сейчас вы возглавляете звукозаписывающую

фирму «Снегири». С чего это вдруг началось?

– Началось это с того, что в конце 95-го года в городе Краснодаре мне попала в руки кассета с песнями Маши Макаровой. Целый год я слушал их, раздумывал и наконец принял решение. Мы сделали этот проект, для которого я придумал смешное название «Маша и Медведи». Тогда я решил двигаться дальше. У меня нашлось еще два компаньона. Один из них возглавлял российское отделение компании «Полиграм», и он предложил сделать у них отделение русской музыки. Мы настроились на работу, но случился кризис. И тогда мы создали свою фирму «Снегири». Первым проектом «Снегирей» был Найк Борзов. Мы сделали очень хорошую звезду и нового героя.

– Вы специально берете музыкантов нераскрученных – Машу из Краснодара, Борзова?

– Да, мы занимаемся тем, что открываем таланты. Мы не можем и не хотим конкурировать с крупными фирмами и не работаем со звездами.

– А откуда это название – «Снегири»?

– Это очень смешная история. У нас есть такая группа, которая называется «Снегопады». (Этот проект еще состоится.) И я дал одному из продюсеров послушать их кассету. На следующий день звоню ему. «Да, – говорит он, – послушал я твоих «Снегирей». А через неделю, когда встал вопрос, как назвать наш новый лейбл, я и вспомнил о «Снегирях». Во-первых, эта птичка очень не любит грязь. А во-вторых, она прилетает к нам в самое тяжелое время года. Вот и мы прилетели в самое трудное время – всего через два месяца после кризиса.

– А что же все-таки происходит с вашей первой артисткой – Машей Макаровой?

– У нее сейчас новая группа «69». Они полны энергии. На первый взгляд их музыка имеет не очень коммерческий вид. Но я надеюсь, что у них все получится.

– Они у вас, в «Снегирях»?

– Нет, они не у нас. Но мы общаемся. Помогаем чем можем.

– Но что случилось с Машей? Все вроде бы шло хорошо. Вышел второй альбом, ее песня прозвучала в

Мы занимаемся тем, что открываем таланты

модном фильме «Брат-2». И вдруг она все бросает...

– Просто у них в группе исчез контакт. Ей не нравилось то, что предлагали музыканты, музыканты не понимали ее. Тогда Машу колбасило, будь здоров как. С ней было тяжело общаться. Ей надоела вся эта история – с популярностью и с шоу-бизнесом. Ей просто захотелось спрятаться в норку. И в общем-то, она это сделала.

– Олег, вы сейчас едины в двух ипостасях...

– Даже в трех: я музыкант, музыкальный продюсер и издатель.

– Ну да. А эти три Олега Нестерова между собой не ссорятся?

– Иногда одному из них приходится что-то объяснять другому. И мне очень сильно не хватает Нестерова-музыканта. А с другой стороны, Нестеров-продюсер очень помогает Нестерову-музыканту. Мы сейчас и концерты играем по-другому. Ну и альбом новый мы сделаем такой – без жидких красок.

– Издатель и продюсер. Эти профессии предполагают достаточную жесткость...

– Да, конечно.

– Но вы производите впечатление человека очень мягкого.

– Когда я стал продюсером, в моей жизни появилось еще одно измерение. Ты сначала растворяешься в музыканте. Становишься его старшим братом, отцом, дедом. Растворяешься в музыкальном материале, вынимаешь из него все что есть, всю энергию и помогаешь фиксировать на ленте. А на следующий день ты должен принимать очень жесткие решения. И объявлять их. Причем не тратить времени на объяснения. Это часто приводит к не-

которым разногласиям. Но я учусь.

– Кроме музыки для вас в жизни еще что-то есть?

– Да. Моя семья.

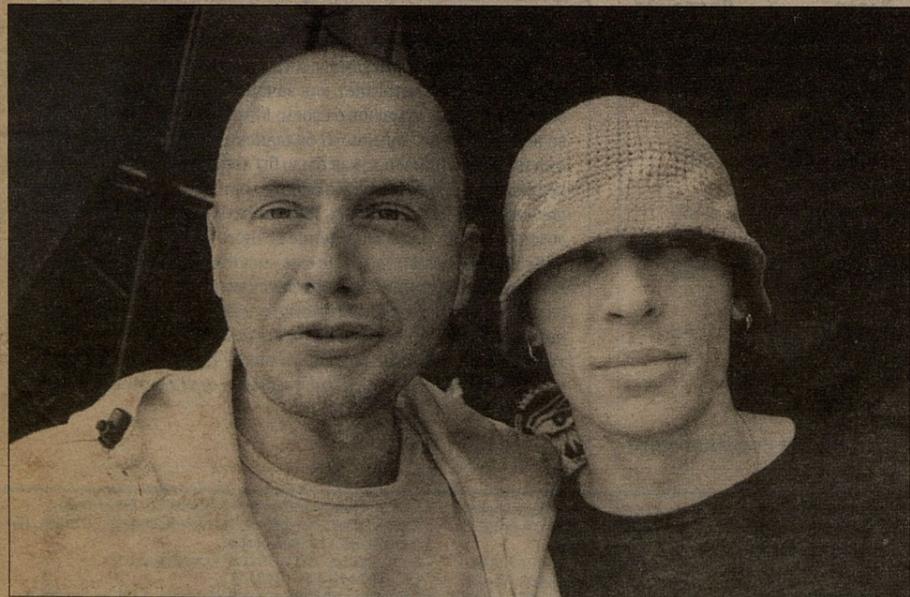
– А можно чуть подробнее?

– Вообще-то нельзя. Нельзя говорить о своих близких. Это должно быть где-то там. Куда никто не мог бы добраться.

– Хорошо. Тогда скажите, пожалуйста, чего вы больше всего хотите в эту минуту?

– Спуститься вниз, в нашу студию, где меня уже ждут «Вопли Видоплясова».

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯКОВ

Когда я стал продюсером, в моей жизни появилось еще одно измерение

